

RU

«Испанская новелла...» Ф. де Графиньи: жанровая специфика

Морозов А. Д.

Аннотация. Цель исследования - определить жанровую специфику «Испанской новеллы...» (1745) французской писательницы Франсуазы де Графиньи. В статье рассмотрены поэтологические особенности романа и новеллы, получившие распространение во Франции в XVII-XVIII вв., а также их реализация на примере «Испанской новеллы...». Научная новизна исследования определяется недостаточной изученностью творчества Ф. де Графиньи, а также отсутствием в российском литературоведении работ, посвящённых этому произведению. В результате доказано, что «Испанская новелла...» отражает влияние классицизма и предсентиментализма, аккумулируя в своей структуре черты как новеллы, так и романа.

EN

“Nouvelle Espagnole” (Spanish Novella) by Françoise de Graffigny:
Genre Peculiarities

Morozov A. D.

Abstract. The paper aims to reveal genre peculiarities of “Nouvelle Espagnole” (Spanish Novella) (1745) by the French authoress Françoise de Graffigny. The article analyzes poetological peculiarities of the French novels and novellas of the XVII-XVIII centuries, shows their realization in “Nouvelle Espagnole”. Scientific originality of the study lies in the fact that for the first time in the domestic literary criticism, the researcher analyzes the novella by the French writer whose creative work is still poorly investigated. As a result, it is proved that F. de Graffigny’s novella bears influence of classicism and pre-sentimentalism, combines features of the novel and the novella genre.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью выявить жанровые черты и художественные достоинства «Испанской новеллы...» (La nouvelle espagnole...) с перспективой расширить и углубить представления о французской новелле и романе эпохи Просвещения. Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, рассмотреть жанровые особенности французской новеллы и романа XVII-XVIII вв.; во-вторых, проанализировать «Испанскую новеллу...» с точки зрения её формы и содержания.

Для выявления жанровой специфики «Испанской новеллы...» Ф. де Графиньи в статье применяется историко-литературный, сравнительно-исторический, биографический методы исследования.

Теоретической базой исследования послужили современные отечественные и зарубежные публикации (Е. М. Мелетинский, Ж. Сгар, К. Сет, И. Шоултер), а также поэтологические сочинения XVII в. (Дю Плезир, Ж. Р. де Сегре, П. Д. Юэ).

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно может стать полезным при подготовке курсов лекций или спецкурсов по истории французской литературы XVIII в., а также по истории и теории жанров новеллы и романа.

История создания «Испанской новеллы...»

В «Литературных анекдотах» (Anecdotes littéraires, 1781) писатель К.-А. де Фюссе, аббат де Вуазенон упоминает общество, «состоящее из 12-14 человек, которые обедали то у мадемуазель Кино де Френ, то у графа Кейлюса»; каждый в нём «расплачивался сочинённой историей, и однажды из этого создали весёлый сборник, который представят публике» [12, р. 69-70]. Речь идёт о парижском литературном салоне 1741-1745 гг. «Общество края скамьи» (Société du bout du banc), руководимом актрисой Ж. Ф. Кино и писателем А. К. де Кейлюсом.

В марте 1745 г. его завсегда и опубликовали анонимный «Сборник этих господ» (*Recueil de ces messieurs*), в который вошли повести, сказки, эссе и другие произведения. Среди авторов – А. К. де Кейлюс, аббат де Буазенон, Л. де Каюсак, К. Кребийон-младший, Ш. П. Дюкло.

Почти треть книги (110 страниц из 374) занимает «Испанская новелла, или Дурной пример порождает столько же добродетелей, сколько и пороков» (*La Nouvelle espagnole, ou Le Mauvais exemple produit autant de vertus que de vices*), ставшая первым опубликованным произведением Франсуазы де Графиньи (1695-1758). Спустя несколько лет начинающая писательница, приехавшая в Париж из Лотарингии в 1739 г., прославилась романом-бестселлером «Письма перуанки» (*Lettres d'une péruvienne*, 1747) и не менее успешной комедией «Сения» (*Cénie*, 1750). В 1751 г. она основала собственный салон, который посещали Ж.-Ж. Руссо, Ж. Л. д'Аламбер, Д. Дидро, П. де Мариво, Дж. Казанова и другие знаменитости.

«Испанская новелла» интересна своей жанровой спецификой, во многом отразившей особенности салонной культуры во Франции 1740-х гг., а также общие литературные тенденции этого периода. Согласно письмам, изученным американским исследователем И. Шоултером, в январе 1744 г. граф де Кейлюс предложил Ф. де Графиньи написать «Надгробную речь капуцина» (*Oraison funèbre d'un carucin*), которая, как предполагалось, войдёт в будущий сборник [11, р. 200]. Работа над произведением, представляющим, по словам писательницы, «надгробную речь одного капуцина над телом другого» [5, р. 77], шла тяжело, а потому продолжать его она отказалась.

В августе 1744 г. Ф. де Графиньи получила от графа де Кейлюса новое задание, подробности которого она изложила своему другу, литератору Ф. А. Дево: «[Граф] мне представил испанский перевод жалкой новеллки, не имеющей ни начала, ни конца, и которая написана будто план. Они хотят, чтобы я сделала из этого маленький роман. Я зла, так как меня принуждают писать, я же в этом ничего не смыслю» [Ibidem, р. 429]. Почти полгода (с августа по декабрь 1744 г.) начинающая писательница редактировала текст, жалуясь на то, что создание «Испанской новеллы...» её изнуряет и грозит нескончаемым делом. Впрочем, даже после публикации Ф. де Графиньи осталась недовольна, поскольку, как она считала, «в произведении столько же недочётов, сколько в нём слов» [6, р. 248].

«Испанская новелла...» в контексте представлений о новелле и романе XVII-XVIII вв.

Несмотря на то, что название «Испанская новелла...» содержит конкретное указание на жанр, в письмах Ф. де Графиньи называет её и «романом» [Ibidem, р. 26], и «маленьким романом», и «новеллой» [Ibidem, р. 78]. Представления о жанровых чертах и отличиях новеллы и романа во французской литературе Нового времени отчасти проясняет Ж. де Сегре во «Французских новеллах, или Забавах принцессы Орелии» (1657): «Разница между романом и новеллой в том, что роман описывает вещи, как того требует благопристойность в манере поэта, а новелла должна немного больше держаться истории и стремиться передать образы вещей, как обычно мы их видим, как наше воображение их себе рисует» [8, р. 165-166].

Ориентация на историческое прошлое или, по меньшей мере, отсутствие фантастических, сказочных элементов, свойственных галантно-героическим романам, осмысливается Ж. де Сегре как один из важных жанровых признаков новеллы. Напротив, романное повествование, по мысли литератора, предполагает значительную долю вымысла, а художественные принципы превалируют над историческим правдоподобием. В «Письме о происхождении романов» (1670) П. Д. Юэ заявляет, что «романы – это вымышленные любовные истории, искусно написанные прозой для удовольствия и назидания читателей... они должны быть изложены искусно и по некоторым правилам, потому что иначе получится бесформенное нагромождение, в котором не будет ни порядка, ни красоты» [2, с. 417]. Под романами здесь понимаются главным образом античные, рыцарские, галантно-героические романы XVII в. (О. д'Юрфе, Ж. П. Камю, М. де Скудери и др.).

Начиная со второй половины XVII в. во французской литературе происходят жанровые изменения новеллы и романа, основанные на их сближении, своего рода взаимной гибридизации. Барочные повествования с невероятными приключениями героев постепенно уходили из моды, уступая место т.н. «маленьким романам» (*petits romans*), которые часто выдавались за подлинные «истории», «мемуары», «письма», «дневники». Дю Плезир в «Мыслях о литературе и истории с рассуждениями о стиле» (1683) отмечает, что «маленькие истории полностью разрушили большие романы» [3, р. 87]; первые строятся во многом по принципам классицизма, для них характерны следование теории трёх единств, сдержанный и лаконичный стиль, психологическая мотивировка поступков персонажей и др. К ранним романам нового типа относятся, в частности, «Письма португальской монахини» Г. де Гийерага (1669), «Дон Карлос» С. В. де Сен-Реаля (1672), «Принцесса Клевская» М. М. де Лафайет (1678).

Эволюция французской новеллы в XVII-XVIII вв. происходила за счёт расширения числа сюжетных линий и, как следствие, персонажей, введения элементов социального конфликта, психологизма, морализаторства. По замечанию Е. М. Мелетинского, французские романтические новеллы этого периода иллюстрируют «оттачивание от громоздких галантных романов с их экзотикой, анахронизмом и экзальтацией и вместе с тем стремление сохранить и “галантную” тематику, и повышенный (по сравнению с итальянской новеллой Возрождения) интерес не только к изображению поступков, продиктованных страстями, но и к попыткам анализа и самоанализа чувств, часто в форме диалогов и монологов, по образцу трагедии» [1, с. 144]. Принципы романной новеллистики нашли отражение в сборниках «Французские новеллы» Ж. де Сегре (1656), «Новеллы, или Забавы принцессы Альсидианы» Г. де ла Кальпренедра (1661), «Галантные анналы» М. К. де Вильдьё (1670) и др.

Несмотря на представления о жанровых сходствах нового романа и новеллы, сформированные к 1745 г., в названии произведения Ф. де Графиньи использовала слово «новелла». В контексте с определением «испанская», а также с морализаторской фразой «Дурной пример порождает столько же добродетелей, сколько и пороков», воспринимаемой как пословица или сентенция, оно отсылает к традиции испанской новеллистики: сборникам «Книга примеров графа Луканора и Патронио» Х. Мануэля (1575), «Назидательные новеллы» М. де Сервантеса (1613) и др. Французское слово *exemple* (пример), равно как и испанское *exemplares* (назидательные, примерные), в свою очередь, дает повод связать произведения со средневековым жанром дидактической литературы – экземплы. Под испанским словом *novela* понимаются и романские произведения, в том числе плутовской роман (*novela picaresca*). Понятия *nouvelle* и (*petit*) *roman* часто взаимозаменяемы, когда речь идёт о французской романической новелле XVII-XVIII вв.

Сюжетные элементы «Испанской новеллы...»

Начало действия «Испанской новеллы...» происходит при кастильском дворе короля Альфонсо Младшего. Главная героиня, 18-летняя придворная дама Эльвира, отличается скромностью, благородством, красотой. Этими качествами она очаровывает короля, который, тщетно пытаясь добиться расположения девушки, покровительствует ей, и её брату дону Педро. Во время королевской охоты Эльвира в сопровождении подруги Изабеллы, ещё одной придворной дамы, желая отдохнуть от шумных развлечений, удаляется от свиты в лес. Покой девушек нарушает крик окровавленного юноши, который падает у их ног и теряет сознание. Эльвира, проникшись жалостью к незнакомцу, способствует тому, чтобы его доставили ко двору и оказали помощь. Юноша приходит в чувства и, влюбившись в спасительницу, рассказывает её брату историю своих злоключений: о том, что он, дон Альвар, сын казнённого министра Португалии, стал жертвой придворных интриг, был вынужден скрываться в лесу и, потеряв последнего друга, спровоцировал избиение себя конюхами, чтобы умереть. Вскоре дон Педро арестовывают и заточают в башню, вынуждая его признаться в якобы совершённом преступлении, а иностранец становится фаворитом короля Кастилии. Желая помочь другу и успокоить возлюбленную, которая пытается выяснить причины опалы брата, дон Альвар передаёт ей записку, в которой говорит о своих благородных намерениях. Заметив это, король Альфонсо в приступе ревности отправляет четверых придворных в изгнание: Эльвиру и Изабеллу – в замок своей бабушки, а дон Альвара и дон Педро – за пределы дворца, где они, принятые за разбойников, попадают в плен. По пути к королю, который изъявил желание навестить бабушку, Изабелла замечает из окна кареты закованных в цепи брата и дон Альвара. Криком она останавливает экипаж, после чего происходит встреча четырёх изгнанников и объяснение их с королём, раскрывающее причину ареста дон Педро. Всему виной оказалась записка на португальском языке, она же – ложный план заговора, из-за которого казнили министра Португалии. Найдя компрометирующую бумагу в лесу в первый день встречи с доном Альваром, Изабелла отдала её на перевод дону Родриго, врагу своего возлюбленного, обвинённого затем в государственной измене. В финале король Альфонсо признаёт, что заблуждался насчёт верности бывших придворных, возвращает к ним расположение и просит прощения у Изабеллы.

Ф. де Графиньи предваряет «Испанскую новеллу...» псевдоисторическим вступлением, интегрированным в основной текст. С первых строк читатель узнаёт о противоречивой личности Альфонсо Младшего, в котором сочетались «гуманность и недоверие к людям» [7, р. 136], а также о его предшественнике, Альфонсо Жестоком. «Альфонсо Младший, убеждённый общим беспорядком, царящим в Кастильском королевстве после смерти Альфонсо Жестокого, в том, что крайняя жестокость есть не лучшая опора законов, намерился, взойдя на престол, успокоить умы и сердца и осчастливить людей настолько, насколько его предшественник сделал их несчастными» [Ibidem] – так рассказчик характеризует двух королев, противопоставив их правление и личные качества. В эпизоде, раскрывающем прошлое дон Альвара, правителем Португалии называется король Фернанду. Отсылки к конкретным личностям и связанным с ними фактам (недовольство кастильской знати их жестоким королём, вступление на престол его наследника) говорят о желании автора поместить персонажей в исторический контекст. Впрочем, персонажи-правители соответствуют своим предполагаемым прототипам лишь отчасти, а хронология описываемых событий расходится с исторической правдой. Известно, что Кастилией и Леоном в 1350-1369 гг. правил не Альфонсо, а Педро I, получивший прозвище Жестокий, его предшественником стал Альфонсо XI, а наследником – Генрих II. В 1367-1383 гг. Португалией действительно правил король Фердинанду. Испанские имена и фамилии (Дон Педро де Медина, Изабелла де Мендос и др.) придают произведению местный экзотический колорит. Британская исследовательница К. Сет на основе писем Ф. де Графиньи доказывает, что в «Испанской новелле...» последняя «хотела прокомментировать современные события посредством литературного вымысла» [9, р. 7], а потому «Испания прошлого выступает средством рассматривания современной Франции» [Ibidem, р. 8]. В частности, писательница использовала фразы, отсылающие к государственному деятелю, морскому министру Людовика XV Ж.-Ф. Ф. де Морепе. Введение (псевдо)исторического материала, характерное и для новелл, и для романов, осмысливается в «Испанской новелле...» не как декоративный, но как сюжетобразующий элемент, поскольку правление королев непосредственно отражается на частной жизни основных героев. Эльвира и дон Педро воспитывались только матерью, потому что отца казнили по приказу Альфонсо Жестокого; дальнейшая жизнь героев во многом зависела от Альфонсо Младшего.

Повествование в «Испанской новелле...» разворачивается хронологически последовательно, за исключением пары эпизодов. В первом случае – это история жизни дон Альвара, пересказанная Эльвире доном

Педро. Из этой части произведения, воспринимаемой как вставная новелла, читатель узнаёт как о злоключениях героя, так и о вызвавших их причинах в прошлом. Министр Португалии дон Санче де лас Торрес приглянулся фаворитке местного короля Лауре де Падей, которая, желая устранить все препятствия на пути к взаимности, отравила его жену, мать дон Альвара. Поняв, что это не помогло, в отчаянии фаворитка короля составила ложный план заговора, который затем нашли в бумагах министра. Дона Санче казнили, а его малолетний сын, преследуемый людьми Лауры, пожелавшей уничтожить род де лас Торрес полностью, оказался в смертельной опасности. Побегу героя способствовал друг отца, который спрятал его в хижине в лесу и воспитывал как собственного сына. Однажды во время охоты дон Альвар встретил людей, которым по наивности рассказал и о хижине, и о своём воспитателе. Этими людьми оказались подосланные Лаурой убийцы, которые расправились со спасителем дон Альвара до прихода последнего домой. Поняв, что по глупости совершил ошибку, приведшую к смерти друга, герой принял решение всегда хранить молчание. В дальнейшем, попав под удары конюхов, дон Альвар оказался при кастильском дворе, где помощь Эльвиры и дон Педро заставила его вновь поверить людям и рассказать историю своих злоключений. Другой эпизод, нарушающий хронологию повествования, представлен в финальной сцене. Защищаясь от обвинений Эльвиры в произволе, король Альфонсо показывает ей бумагу, которую узнаёт и дон Альвар, и Изабелла. Рассказ последней воспринимается как развязка *deus ex machina*: таинственное заточение дон Педро, интригующее читателя почти с начала произведения, объясняется подлогом персонажа, который до этого никак не фигурировал. Намеченные любовные линии на протяжении всего произведения не получают значительного развития, а финальная сцена с признанием Альфонсо своей вины поднимает морально-этические вопросы. По всей видимости, вторая часть названия («...Дурной пример порождает столько же добродетелей, сколько и пороков») относится к королю: не желая повторить ошибки предшественника, Альфонсо Младший, по своей натуре добрый и справедливый правитель, сам стал жертвой заблуждений, а потому причинил горе дорогим ему людям.

«Испанская новелла...»: классицистические и сентименталистские тенденции

Французский историк литературы Ж. Сгар считает, что развитие французской новеллы в XVII-XVIII вв. во многом связано с открытием «Назидательных новелл» М. де Сервантеса, переведённых на французский язык в 1615 г. Среди жанровых нововведений испанского писателя – отказ от рамочной композиции, введение отступлений. По мнению Ж. Сгара, «Сервантес направляет все силы своего искусства на сам рассказ... сосредотачивает повествование на том, что обеспечивает его единство (на парадоксальной ситуации, неожиданном, загадочном, приводящем в замешательство происшествии), и заставляет сходить в нём все описательные или психологические элементы» [10, р. 49]. Не исключено, что Ф. де Графиньи в значительной мере ориентировалась на новеллы М. де Сервантеса или на другие, созданные в подражание им произведения. Повествование в «Испанской новелле...» ведётся от третьего лица, включает пространные описания, диалоги персонажей, философско-морализаторские высказывания. Сюжет строится на таких авантюрных эпизодах, в которых персонажей преследуют, они попадают в плен, сражаются на шпагах (дон Педро, не узнав дон Альвара, нападает на него в лесу, и во время драки их принимают за разбойников). Важную роль в развитии повествования играют интриги, основанные на загадочном заточении дон Педро и молчании дон Альвара. Несмотря на динамичное внешнее действие, автор «Испанской новеллы...» видела своей целью не только рассказать о необычном происшествии, но и раскрыть характеры персонажей, их внутренние интенции и состояния. Большое место в произведении занимают переживания главной героини. «Трагические события, которые могли бы разлучить с ним навсегда, возникли в её воображении, вызвали во всём её теле смертельную дрожь, принятую за предвестник вечной разлуки. Её глаза, прикованные к брату с задумчивой жадностью, словно наслаждались им в последний раз... Эльвира оказалась в своих покоях, не заметив, как её туда привели; внешнее окружение не отпечатывалось в её душе, волнения за одного человека, казалось, не оставили в сердце пустого места; но когда её люди сообщили, что во время её отсутствия по приказу короля увели и дон Альвара... она поняла, что какой бы сильной ни была душевная боль, последняя может стать ещё сильнее» [7, р. 183-184] – так, например, описано состояние Эльвиры после встречи с доном Педро в темнице.

Интерес Ф. де Графиньи к внутреннему миру персонажей, мотивировкам их поступков – одно из главных художественных достоинств «Испанской новеллы...». насыщенность повествования пространными описаниями переживаний и чувств свидетельствует о предчувствии автора эстетики сентиментализма. По мнению И. Шоултера, «автор знал о горе по личному опыту, особенно в любви. Она [Ф. де Графиньи] ставит инстинкт и чувства выше разума, сопереживает несчастным» [11, р. 207]. Эльвира предстаёт особо чувствительной героиней, находящей радость и покой на лоне природы. Показателен в этом отношении её диалог с Изабеллой в лесу накануне встречи с доном Альваром: «В то время, пока Эльвира предавалась очарованию природы, наслаждалась свежестью воздуха, сладостью тишины, мягким мраком, царящим в лесу, Изабелла занималась тем, что поправляла перья на своей шляпке» [7, р. 144]. «Ах! Ну кто не восхитится этой красотой!» – сказала Эльвира. «Чем же вы восхищаетесь?» – спросила оживлённо её Изабелла. «Этими деревьями, – ответила подруга, – этой травой, листвой, этой упоительной тишиной, которая лишает чувств!». «Вот как! – прервала её Изабелла раскатом смеха. – Таковы причины вашей глубокой задумчивости?». «Но разве есть что-нибудь восхитительнее творений природы?» – спросила Эльвира. «Ах! премного, – ответила Изабелла, – нет ничего

скучнее её вечных повторов» [Ibidem, p. 146-147]. Восхищение Эльвиры лесом противопоставлено критике Изабеллы, которая, как следует из диалога далее, хотела бы исправить однообразную природу, подчинив её, как в классицистическом парке, своей воле: «Я бы оставила почти нетронутым внешний вид деревьев, но их одноцветные листья были бы разных оттенков: розового, синего, жёлтого... Вместо этой жёсткой, бесполезной, некрасивой коры, у моих деревьев она бы была стеклянная из зеркал; с пятью или шестью красивыми дамами и столько же кавалерами лес стал бы таким же оживлённым, как и бальный зал; более изобретательная, чем природа, я бы сделала мои леса такими же весёлыми ночью, как и днём, украсив все ветви красивыми, разных оттенков насекомыми, которые придали бы лесу великолепный вид. Также я бы хотела ступать только по цветам, я бы сделала их такими же низкими, как и траву, и раскрасила бы их ещё затейливей, чем деревья» [Ibidem, p. 148-149]. Эти и другие наивные представления о природе, выдержанные в ироническом ключе, красноречиво говорят о характере героини.

Одним из важных элементов, отсылающих произведение Ф. де Графиньи к эстетике классицизма, можно считать многочисленные философско-этические изречения. Вероятно, они представлялись излишними даже читателям 2-й половины XVIII столетия. В 1770 г. художник Ж.-Б. Готье-Даготи в книге «Французская галерея, или Портреты известных мужчин и женщин Франции» отмечал, что произведение Ф. де Графиньи, «самая существенная часть в Сборнике, написана во вкусе своего времени: оно полностью пропитано максимами» [4, p. 154]. Как правило, эти изречения, сопровождающие эпизоды, мысли и реплики персонажей, принадлежат повествователю. Причины духовного родства Эльвиры с доном Педро объясняются тем, что «контраст характеров формирует связь между людьми более близкие, нежели их сходство. Мы ищем в других людях добродетели и хорошие качества, которые ничто не оспаривают в наших, а снисхождение к недостаткам, дающим видимость превосходства, компенсирует вызванные ими муки» [7, p. 138]. А эпизод, в котором Изабелла тщетно пытается успокоить Эльвиру, убеждённую в предательстве дон Альвара, завершается мыслью, что отвлечённые разговоры «скорее вызывают, нежели снимают настоящую боль», и «только жертвы несчастной любви знают, как облегчить эти страдания» [Ibidem, p. 165].

Заключение

Таким образом, в результате исследования можно прийти к следующим выводам. Становление французской новеллы и романа со 2-й половины XVII в. происходило во многом путём их типологического сближения, приведшего к появлению романизованной новеллы и т.н. «меленького романа». «Испанская новелла...» Ф. де Графиньи представляет собой логический этап развития французской новеллы в эпоху Просвещения. В произведении нашли отражение традиции классицизма, а также художественные принципы сентиментализма. Сочетая элементы авантюрной, психологической и морализаторской прозы, писательница создала романизованную новеллу философско-этического содержания, в которой значительное место занимают описания чувств и переживаний героев. Перспективы дальнейшего исследования видятся в более детальном рассмотрении «Испанской новеллы...» в контексте французской литературы XVII-XVIII вв.

Источники | References

1. Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы. М.: Наука, 1990. 280 с.
2. Юэ П. Д. Трактат о возникновении романов // Литературные манифесты западноевропейских классицистов: сборник / собрание текстов, вступит. статья и общ. ред. Н. П. Козловой. М.: Изд-во Московского университета, 1980. С. 412-418.
3. Du Plaisir. Sentiments sur les lettres et sur l'histoire, avec des scrupules sur le style. P.: C. Blageart, 1683. 304 p.
4. Gautier-Dagoty J.-B. Madame de Graffigny // Galerie française, ou Portraits des hommes et des femmes célèbres qui ont parus en France. P.: Herissant le fils, 1770. P. 153-156.
5. Graffigny F. de. Correspondance de Madame de Graffigny. Oxford: The Voltaire Foundation, 1997. Vol. 5. 3 janvier 1744 - 21 octobre 1744. 498 p.
6. Graffigny F. de. Correspondance de Madame de Graffigny. Oxford: The Voltaire Foundation, 2000. Vol. 6. 23 octobre 1744 - 10 septembre 1745. 568 p.
7. Graffigny F. de. La Nouvelle espagnole, ou Le Mauvais exemple produit autant de vertus que de vices // Recueil de ces messieurs. Amsterdam: Frères Westein, 1745. P. 136-245.
8. Segrain J. R. de. Les nouvelles françaises, ou les divertissements de la princesse Aurelie. P.: A. de Sommerville, 1722. T. 1. 473 p.
9. Seth C. "Je ne suis pas bien aise d'être connue comme auteur": la Nouvelle espagnole de Mme de Graffigny // Française de Graffigny, femme de lettres. Ecriture et réception. Oxford: The Voltaire Foundation, 2004. P. 5-11.
10. Sgard J. La nouvelle // Le roman français à l'âge classique 1600-1800. P.: Librairie générale française, 2000. P. 47-56.
11. Showalter E. Devenir écrivain // Française de Graffigny. Sa vie, son œuvre. P.: Hermann Editeurs, 2015. P. 195-214.
12. Voisenon, abbé de. Anecdotes littéraires. P.: Librairie des bibliophiles, 1880. 178 p.

Информация об авторах | Author information

Морозов Артем Дмитриевич¹

¹ Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Morozov Artem Dmitrievich¹

¹ A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

¹ *morozov-msu@mail.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): французская литература XVIII в; Ф. де Графиньи; новелла; роман; классицизм;
French literature of the XVIII century; F. de Graffigny; short story; novella; classicism.